

А. А. Ермичев

**ОКОЛО ФЛОРЕНСКОГО.
ПОЛЕМИКА О ПРИРОДЕ САМОДЕРЖАВИЯ
(конец 1916 — начало 1917 г.)**

В начале XX в. вопрос об отношении церкви и государства — вопрос для России болезненный, имеющий долгую историю — был поставлен на путь практического разрешения. Что-то делало государство (в частности, созыв Предсоборного присутствия), что-то — клир (к примеру, деятельность «группы 32-х священников»), даже общественность (если, допустим, считать практикой работу Религиозно-философских обществ или попытку Мережковских создать свою церковь). Одним из эпизодов идейного противостояния при решении этого вопроса стала полемика, возникшая по случаю появления рецензии П. А. Флоренского на книгу Н. В. Завитневича об А. С. Хомякове. Рецензия была напечатана в летнем номере (за июль–август) «Богословского вестника» за 1916 г. и вскоре вышла отдельным изданием под названием «Около Хомякова». Эта работа сразу же привлекла к себе внимание не только высоким качеством богословских и историко-культурных рассуждений ее автора, сколько утверждением вероучительного характера вопроса о природе самодержавия. П. А. Флоренский так и пишет: «В том-то и дело, что в сознании русского народа самодержавие не есть юридическое право, а есть явленный самим Богом факт, — милость Божия, а не человеческая условность. Так что самодержавие Царя относится к числу понятий не правовых, а вероучительных. Это входит в область веры, а не выводится из вне-религиозных посылок, имеющих в виду общественную и государственную пользу»¹.

Вот оно-то, это утверждение, и стало предметом небольшой полемики в русской прессе конца 1916 — начала 1917 г. Нельзя сказать, чтобы оно было новым для русского слуха, но не такого ожидали от автора знаменитого «Столша». Прогрессивная либеральная и иная общественность не могла упустить случая прояснить политическую позицию московских неославянофилов, к кругу которых принадлежал о. П. Флоренский.

Задача моего сообщения состоит в указании на малоизвестные страницы этой дискуссии: малоизвестные потому, что если говорят об отзывах на данное сочинение

П. А. Флоренского, то обычно имеют в виду либо большую статью В. В. Розанова в «Колоколе» (с похвалой П. А. Флоренскому), либо резко критическое выступление Н. А. Бердяева в журнале «Русская мысль». Но были и иные отклики.

I

Обсуждение рецензии о П. Флоренского началось в Петербурге, когда в скворцовском «Колоколе» в октябре 1916 г. появилась большая статья В. В. Розанова «П. А. Флоренский об А. С. Хомякове»². Замечательный писатель поделился своими соображениями о неудачливой судьбе славянофильской идеи в России, согласился с Флоренским относительно имманентизма и протестантизма, замеченных им у А. С. Хомякова, и совершенно одобрил его тезис о «вероучительном» значении самодержавия. Прочитав слова П. А. Флоренского, В. В. Розанов замечает: «нельзя яснее этого разъяснить, нельзя доказательнее этого сказать!» Он даже написал, что если бы А. С. Хомяков прочитал рассуждения П. А. Флоренского, то непременно изменил бы свою позицию, отказался бы от своего Contract social. Дело в том, что у А. С. Хомякова — по толкованию его П. А. Флоренским — «самодержец есть самодержец не “Божью милостью”, а народной волей».

Вторая часть статьи В. В. Розанова, в которой он похвалил о. П. Флоренского за его толкование самодержавия, была опубликована 22 октября 1916 г., а уже 25 октября в либеральной «Речи» один из активнейших и руководящих участников Петербургского религиозно-философского общества, ближайший друг и соратник супругов Мережковских Д. В. Филосов публикует статью-заметку «Коротенькая справка»; разумеется, направленную против П. А. Флоренского и В. В. Розанова. Известно, что Мережковские совершенно не принимали о. П. Флоренского («умный и злой священник», — говорила о нем З. Гишиус), а отношение их к Розанову стало крайне враждебным в связи с затеянным ими изгнанием писателя из РФО в январе 1914 г. Так вот, Д. В. Филосов, тоже процитировав о. П. Флоренского (о самодержавии как вероучительном факте), указав, что именно это и одобряет В. В. Розанов, далее пишет: «Для меня лично нового тут ничего нет. Петроградское религиозно-философское общество уже десять лет доказывает, что взгляд о. Флоренского не только его личное мнение. Отец Флоренский высказал осенью 1916 г. то, что говорилось гораздо более авторитетными голосами еще со времени “Духовного регламента”». В подтверждение давнего интереса Общества к этой теме Д. В. Филосов сослался на свою полемику с П. Б. Струве, состоявшуюся в 1912 г.

Так у «Коротенькой справки» обнаруживается другая цель ее критической направленности — П. Б. Струве, который не разделял соображений Мережковских о «религиозной революции».

К полемике 1912 г. мы и обратимся, тем более что содержанием ее был вопрос о связи православия и реакции, т. е. вопрос, поднятый критиками П. А. Флоренского в 1916 г. Попутно мы вспомним некоторые факты из истории Петербургского РФО.

В начале работы Общества в октябре 1907 г. его инициаторы надеялись на спокойное, чуть ли не академическое обсуждение вопросов, унаследованных от Религиозно-философских собраний. Однако с осени 1908 г., когда, возвратившись из Парижа, Д. С. Мережковский и К.^о заняли руководящее положение в Религиозно-философском обществе, оно сразу же политизировало свои заседания. Руководствуясь вздорной идеей о якобы религиозном характере происходящей в России революции, Мережковские использовали любой повод для того, чтобы еще и еще раз

обличать найденную ими же мистическую и догматическую связь православия и самодержавия. Из этого следовало, что борьба с самодержавием является борьбой с православием, а победа в этой борьбе приведет к утверждению новой Церкви Третьего завета, лелеяемой Мережковскими в доме Мурузи.

И действительно, любимый ими вопрос о том, как связано самодержавие и православие, обсуждался в Обществе настолько часто и настолько «актуализировано», что многим просто надоело, а В. В. Розанов вынудил подать заявление о выходе из Совета РФО. Такой же вопрос — но в особенном повороте — обсуждался на заседании 12 ноября 1912 г. Выступал известный тогда журналист и писатель С. С. Кондурушкин с докладом о «Народной вере». Доклад был посвящен деятельности иеромонаха Илиодора (Труфанова), известного тогда своим конфликтом с церковными властями и Г. Распутиным. С. С. Кондурушкин вообразил, что Илиодор как-то выражает народную веру в идеальное самодержавие, которое — де руководствуется заветами Христа, почему иеромонах и конфликтует с чиновниками и с церковью. Об Илиодоре и илиодоровцах пресса писала много и охотно, а заседание РФО было многолюдным и жарким.

Так вот, упомянутое Д. Ф. Философовым в «Коротенькой справке» его выступление 1912 г. — это не что иное, как статья «Илиодор и Булгаков» (См. «Речь» от 18 ноября). Она вызвала обмен мнениями с П. Б. Струве, на что откликнулись некоторые другие периодические издания Петербурга.

Скорее всего, поводом к сочинению «Илиодора и Булгакова» стал не доклад С. С. Кондурушкина (при его обсуждении Д. В. Философов высказался вполне), а прочитанная им ноябрьская книжка «Русской мысли». Его внимание привлекла статья С. Н. Булгакова «На выборах», в которой автор поделился своими впечатлениями от выборов в IV Государственную думу. Наблюдая политическую наивность и невежество избирателей и кандидатов в депутаты, откровенные подкупы, мощное полицейско-административное давление, инертность общественности и деморализацию народа, С. Н. Булгаков делает ужасное, и, увы, оказавшееся верным обобщение: «Россия гниет заживо... Она глубоко отравлена смертоносным ядом, и яд этот — нигилизм, двойной по происхождению — нигилизм интеллигентский и бюрократический»³. Ему стало страшно за будущее России, за исполнение ею всемирно-исторической миссии.

Статью С. Н. Булгакова и сейчас нельзя читать равнодушно, а тогда на фрондирующего Д. В. Философова она, по-видимому, произвела очень сильное впечатление. Он сопоставил Илиодора и Булгакова, приравняв их друг к другу, как самых лучших в нравственном отношении, самых совестливых представителей... русской реакции. «Что Илиодор — “мракобес”, и служит мракобесной идее — мы все хорошо знаем», — пишет Д. В. Философов. Но и Булгаков служит ортодоксально-православному христианству и самодержавной России и первый и второй — увы! — задыхаются от этой России, от хамства русской бюрократии — церковной и государственной. «Нет труднее задачи, как с умом и совестью, быть политически правым, имея даже самую правую идеологию!» — завершает свою заметку Д. В. Философов.

В защиту С. Н. Булгакова, обвиненного в «правизне» выступил член РФО, даже член Совета РФО и редактор «Русской мысли» П. Б. Струве. Он пишет письмо в редакцию «По поводу статьи Д. В. Философова» («Речь». № 319 от 20 ноября). С. Н. Булгаков — не правый, — пишет П. Б. Струве. Во II Думе он примыкал к кадетам, взгляды его с тех пор не изменились, он не разделял и не разделяет взглядов Илиодора. Д. В. Философову понадобилось такое странное сопоставление для того

только, чтобы еще раз проповедовать «исторически несостоятельный, чисто реакционный и в то же время чисто революционный тезис: православие и черная реакция неразрывно, внутренне — необходимо связаны». У редактора «Русской мысли» иное мнение: никакая настоящая религия «не может быть внутренне связана ни с какими политическими формами и учреждениями». Затем Струве остроумно упрекнул Д. В. Философова в победоносцевщине. Считать необходимой связь православия и самодержавия — это и значит толковать православие по-победоносцевски. Крайности сходятся — утопическая реакция (К. П. Победоносцев) сошлась с утопической революцией (Д. В. Философов).

Д. В. Философов не остается в долгу. Тут же, рядом с «Письмом» П. Б. Струве, он печатает свой «Краткий ответ». Смысл его таков: «я не могу убедить ни Струве, ни Булгакова в наличии внутренней связи русской церкви и черной реакции. Но вот что говорит вам член Государственного Совета, один из ценных выразителей церковной идеологии Вологодский епископ Никон». И далее Д. В. Философов обильно цитирует епископа, глубоко убежденного, что кощунственна всякая мысль о конституции, о каком-то договоре Царя с народом, что она оскорбляет не только Царя, но и Бога, которым Царь царствует. Теперь, в октябре 1916 г. Д. В. Философов просто рад, что П. А. Флоренский и В. В. Розанов еще раз «подставились» и еще раз подтвердили его, Д. В. Философова убеждение о связи православия и реакции. Припоминая остроумие П. Б. Струве о сходстве реакционеров и революционеров, Д. В. Философов восклицает: «Что такое, по мнению П. Б. Струве, отец Флоренский и солидарный с ним В. В. Розанов: чистые реакционеры или чистые революционеры?»

На состоявшийся обмен мнениями между Д. В. Философовым и П. Б. Струве откликнулись другие петербургские издания. В социал-демократической газете «День» со спокойной, разумной заметкой «Православие и реакция» выступил П. Надеждин. За таким псевдонимом укрылся Б. В. Титлинов, профессор Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре истории русской церкви, а в советском будущем один из идеологов обновленческого раскола. «Оба диспутанта правы в этом споре, — говорит Б. В. Титлинов. — Только П. Б. Струве имеет в виду идеальное православие, идеальное христианство, которое не может иметь ничего общего с реакцией (Достаточно прочесть Евангелие, чтобы видеть, что евангельские идеи братства, равенства, справедливости органически несовместимы с “черной реакцией”); напротив, Д. В. Философов берет христианство в его исторических формах, сложившееся в Византии, а затем на Руси и присвоившее именование “православного”, чтобы отличать себя от западного христианства. В таком случае Д. В. Философов легко указывает на то, как историческое православие сроднилось с реакцией» (См. «День». № 25 от 26 ноября 1912 г.).

На спор Д. В. Философова — П. Б. Струве откликнулся также журнал «Церковно-общественный вестник», которым на то время руководил Е. П. Иванов, член РФО и друг А. А. Блока. Журнал был довольно радикален в своем отношении к союзу царского правительства и синодальной церкви. В нем печатались такие авторы, как К. М. Аггеев, И. А. Андреев, С. Н. Булгаков, И. В. Титов, В. И. Экземплярский и другие авторы, известные своим церковным «прогрессизмом». В № 22 журнала от 29 ноября была напечатана — в качестве заглавной, передовой — статья В. Правдина «Реакционно ли православие?». Рассуждения автора один к одному сходны с тем, что уже было напечатано в газете «День». У меня сложилось впечатление, что автором и в том и в другом случае был Б. В. Титлинов, который, естественно, выбрал себе другой псевдоним.

Такова предыстория «Коротенькой справки» Д. В. Философова. Она превосходно иллюстрирует актуальность проблемы, на которую вышел о. П. Флоренский при анализе идейного наследия первых славянофилов.

II

Все-таки Д. В. Философов в прямую полемику с о. П. Флоренским не вступал, а выразил свое неудовольствие косвенно, нападая на В. В. Розанова. В прямую полемику с Флоренским вязались знакомые ему москвичи. В «Утре России» выступили молодые приват-доценты Московского университета, участники семинария кн. Е. Н. Трубецкого, члены Московского РФО Н. В. Устрялов (в Университете он вел занятия по истории политической мысли России и был хорошим знатоком славянофильства) и «получудак-полусвятой» Н. Н. Фиолетов — ученик Е. Н. Трубецкого и Л. М. Лопатина, человек церковного сознания и специалист по церковному праву⁴.

Н. В. Устрялов выступал дважды. В первой статье под названием «Славянофильство и самодержавие» (№ 40 от 9 февраля 1917 г.) он увидел во Флоренском не просто выдающегося богослова («современная наука о вере», — пишет он, — не может пройти мимо «глубокой и острой постановки основных проблем богословия» у Флоренского), но и одного из вождей современного так называемого «неославянофильского движения». Сейчас П. А. Флоренский интересен Устрялову именно в этом качестве. Он обращается к другим вождям неославянофильства — С. Н. Булгакову, В. Ф. Эрну, Вяч. Иванову: или осудите П. А. Флоренского, или разделите вместе с о. Павлом ответственность за такое выступление. Неославянофильство как группа «общественно-этически безукоризненна и культурно-значительна» и потому от ее руководителей ждут каких-то пояснений в связи с позицией П. А. Флоренского.

В суждениях Флоренского о самодержавии неприемлемо для Устрялова два момента — неверное толкование хомяковского представления об отношении царя и народа и стандартное и необоснованное доказательство «святости» самодержавия ссылкой на апостола Павла. Действительно, поясняет Н. В. Устрялов, о. П. Флоренский прав, когда подчеркивает, что Хомяков признает суверенитет народа. Но он неправ, толкуя этот факт в духе «общественного договора», *Contract social*. Хомяков был далек от «юридизма», а потому упреки о. П. Флоренского по его адресу необоснованны. «Отношение царя к народу не конструируются, по Хомякову, никакими юридическими категориями, и *обязанность* царя подчиняться народному духу есть обязанность не правовая, а чисто нравственная, внутренняя. Однако от этого она не перестает быть обязанностью и не может быть заменена односторонним державным произволением». В отношениях царя и народа нет никакого *suffrage universale* (всеобщего голосования), заключает Н. В. Устрялов.

Что касается неприятия Н. В. Устряловым соображений о «святости» царской власти, то легко заметить, что форма выражения этого неприятия скорее остроумна, чем основательна. Если всякая власть от Бога, то и конституция имеет тот же источник. Если все от Бога, то и болезнь от него же — возражает Н. В. Устрялов, призывая в помощь Руссо, — но это-де не мешает вам идти к врачу.

Другой раз Н. В. Устрялов по тому же поводу и в том же «Утре России» выступил с «Ответом “Московским ведомостям”». Этот последний, сугубо правый по политическим пристрастиям печатный орган, в своем обзоре «Среди газет» (в № 33 от 10 февраля 1917 г.) обрушился на «биржебанковское» «Утро» за то, что «без удержу суется всюду», «не стесняясь никакой парадоксальностью и никакой нелепостью».

Старообрядческому органу — бранятся «Ведомости» (газета «Утро России» издавалась на средства П. П. Рябушинского), — «не следует доверять Руссо, будто болезнь, как и смерть от Бога, а не от греха и от его первовинника сатаны». А далее, сославшись на суждения митрополита Московского Филарета, «Ведомости» учили: «Точно также надлежало бы знать старательным публицистам, что хотя и всякая государственная власть от Бога, но ближе к нему именно власть монархическая, самодержавная и наследственная». Другие формы власти, если они противодействуют анархии, тоже не лишены божественной санкции — так уверяли «Ведомости». В своем «Ответе» Н. В. Устрялов иронизировал: редакция «Московских ведомостей» состоит из кощунников и одновременно революционеров. Они — кощунники, ибо сомневаются в способности Бога установить во всех странах самое угодное для него самодержавное правление. И они — революционеры, ибо сопротивляются царю и не хотят видеть, что Николай II открытием первого русского парламента 27 апреля 1906 г. уже отменил самодержавие⁵.

В «Утре России» выступил также Н. Н. Фиолетов. Складывается впечатление, что его выступление было согласовано с Н. В. Устряловым и сделано в его поддержку. Насколько хорошо Н. В. Устрялов рассмотрел позицию Флоренского относительно славянофильских представлений о царе и народе, настолько же легки и даже поверхностны были его замечания относительно божественного происхождения самодержавия. Вот здесь-то более весомое слово и мог сказать Н. Н. Фиолетов.

Его статья в № 43 «Утра» (от 12 февраля) называлась так же, как и статья Устрялова, «Славянофильство и самодержавие», отличаясь подзаголовком — «по поводу брошюры св. П. А. Флоренского и статьи Н. В. Устрялова в № 40 «Утра России»). В данном случае Н. Н. Фиолетов выступает не публицистом (к чему был склонен Н. В. Устрялов), а ученым, специалистом по церковному праву. В этом качестве он поправляет о. П. Флоренского в двух пунктах рассуждений. Во-первых, о. П. Флоренский, признавая сознание русского народа источником вероучительного вывода о богоустановленности самодержавия, тем самым невольно и противореча себе, признает суверенитет народа. Но, спрашивает Фиолетов, остается «соблазнительный вопрос»: может ли сознание народа быть источником вероучительных выводов? Или речь идет о специальном русском православии? По-видимому, предполагает автор, о. П. Флоренский превзошел в категоричности своей древнерусские концепции и доктрину старого славянофильства. Если в те времена отождествляли русских и православных и звали Москву Третьим Римом, но ведь потому только, что Руси была передана старая вера греческого закона. Это сделало ее хранительницей вселенской истины, которая и определила русских как православных. Не народ создавал православие и его догматы и учения, а само православие создавало веру народа.

Н. Н. Фиолетов возразил также Флоренскому в вопросе о богоустановленности русского самодержавия. Иоанн Златоуст и Иринея Лионский — к их поддержке прибегает критик — толкуют слова апостола Павла совершенно определенным образом: «Государство есть необходимая организация мира и справедливости, а государственная власть призвана к осуществлению в общественной жизни естественно-нравственного закона, — в этом смысле она есть божественное учреждение». Конечно, рассуждает Н. Н. Фиолетов, о. П. Флоренский, оправдывая самодержавие, опирается на опыт Византии, когда власть императора рассматривалась как орудие Божественной воли. Однако и для того времени такое утверждение было правомерно лишь в рамках реализуемой церковно-политической программы, а отнюдь не как вероучительная концепция.

Однако совершенно блестящей критикой П. Флоренского следует признать статью Н. А. Бердяева «Хомяков и свящ. П. А. Флоренский»⁶. Она широко известна, что позволяет нам отметить только немногое, важное в контексте описываемой полемики. Прежде всего, легко заметно, что бердяевская статья значительно масштабнее всех иных анти-флоренских и про-флоренских выступлений. В ней Н. А. Бердяев ведет речь не об отношении государства и православия, о чем говорили прочие публикации «около Флоренского», а о свободе церкви, которая одна только решает более частные вопросы ее отношения с миром — «и ни в чем так не нуждается наша церковная жизнь, как в появлении людей высшего религиозного достоинства и высшей религиозной свободы». Флоренский — не таков: «в мировой борьбе свободы и необходимости он решительно становится на сторону необходимости. И путь этот должен привести не к Христу, а к Великому Инквизитору». Что касается тезиса о самодержавии как «явленном самим Богом факте» русского сознания, то Н. А. Бердяев не сдерживает своего негодования: «Мышление отца Флоренского, довольно усложненное и утонченное в своей сфере, в чужой ему сфере общественной и государственной совершенно элементарно, примитивно и упрощенно. Он ничего не знает в этой области, и ничего не испытал». И еще: «Отец П. Флоренский, вероятно, не знает, как страшно ответственны эти мысли в тот исторический час, который переживает Россия».

Известно, что о. П. Флоренский не участвовал в этой полемике. Дискуссия шла «около Флоренского». Но осмелюсь высказать предположение, что даже в сугубо теоретическом плане она и не могла бы завершиться. Решение вопроса о догматической связи государства и церкви требовало добросовестной ученой работы множества специалистов, как это показали заседания Предсоборного присутствия еще в 1906 г. Но и времени не было, чтобы вести полноценную дискуссию. Книжка «Русской мысли», где была напечатана статья Н. А. Бердяева, вышла в первых числах февраля 1917 г. Последнее по времени выступление Н. В. Устрялова — его ответ «Московским ведомостям» — было опубликовано 15 февраля 1917 г. Восемнадцатого февраля в Петербурге Мережковские проводят заседание, посвященное созыву съезда всех Религиозно-философских обществ и мечтают противопоставить его возможные решения русской церкви.

Но до 27 февраля 1917 г., когда пало священное русское царство, оставались считанные дни. Вопрос о природе самодержавия стал ненужным. Более общий вопрос об отношении церкви и государства решался по-новому, по-революционному — без участия церкви, без участия общественности.

Определенно, о. П. Флоренский был верен монархическому принципу. Он и позже был убежден, что единство светской власти возможно лишь вне конституции, а «царское коронование есть именно освящение власти...»⁷. В сочинении П. А. Флоренского, написанном в сталинском застенке в 1933 г., он говорит о необходимости диктатуры гения для спасения погибающей культуры XX в. «Одно только это право заслуживает название божественного; оно не человеческого происхождения», — пояснял мыслитель.

Может быть, кто-то услышит здесь слабый отзвук дискуссии конца 1916 — начала 1917 гг. и примет его за ответ Н. А. Бердяеву. Может быть, он и прав. Но сопоставление тюремных записей П. А. Флоренского о будущем государственного устройства⁸ с содержанием состоявшейся в 1916–1917 гг. дискуссии выходит за пределы авторской задачи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Флоренский П. А.* Соч. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 298–299.

² Статья была опубликована в газете «Колокол» № 14585 за 12 октября 1916 г. и № 3125 за 22 октября. Вновь напечатана в сб.: П. А. Флоренский: pro et contra. Личность и творчество Павла Флоренского в оценке русских мыслителей и исследователей / Сост., вступ. ст., примеч. и библиогр. К. Г. Исупова. СПб.: РХГИ, 1996. С. 367–379.

³ *Булгаков С. Н.* На выборах (Из дневника) // Русская мысль. 1912. Кн. XI. С. 189. Снова опубликована во втором томе «Трудов по социологии и теологии» (М., 1997. С. 90–96).

⁴ Имя Николая Владимировича Устрялова (1890–1937) вошло в различные справочные издания, и представлять его читателю не нужно. Другой московский оппонент П. А. Флоренского — Николай Николаевич Фиолетов не так известен. Он родился в семье священника в 1891 г., учился в Московском университете у Е. Н. Трубецкого, участвовал в работе Религиозно-философского общества памяти В. С. Соловьева, а в январе 1917 г. стал приват-доцентом на кафедре церковного права юридического факультета. С мая 1917 г. по май 1922 г. он — профессор Пермского университета. Н. Н. Фиолетов — участник Первого Всероссийского Церковного Собора. Затем он работал в Саратовском университете и в университете в Ташкенте. Не раз подвергался арестам и ссылкам. С началом войны вновь был арестован и погиб в одном из сталинских лагерей в 1943.

Н. Н. Фиолетов — автор многих работ по проблемам отношений церкви и государства. Относительно недавно двумя изданиями вышла незавершенная им книга по христианской апологетике. О жизни Н. Н. Фиолетова см. воспоминания его жены Н. Ю. Фиолетовой «История одной жизни» (Минувшее. Исторический альманах. 9. М., 1992. С. 7–105).

⁵ Уже будучи в эмиграции в Харбине Н. В. Устрялов вспомнил о позиции П. А. Флоренского в своем выступлении на публичном акте Харбинского юридического факультета 1 марта 1923 г. См. его статью «Политическая доктрина славянофильства (Идея самодержавия в славянофильской критике)» в «Известиях юридического факультета Высшей школы в Харбине» (1925. Кн. 1. С. 47–74).

⁶ Статья Н. А. Бердяева — одна из его цикла «Идеи и жизнь» — была опубликована в журнале «Русская мысль» (1917. Кн. II. С. 72–81). Вновь напечатана в сб.: П. А. Флоренский: pro et contra. С. 380–389.

⁷ *Флоренский П. А.* Собр. соч. Философия культа. Опыт православной антропологии. М., 2004. С. 294.

⁸ *Флоренский П. А.* Предполагаемое государственное устройство в будущем // Литературная учеба. 1991. № 3.